

ДЖЕК ЛОНДОН, ИЛИ 50 ЛЕТ СПУСТЯ

DPA / TACC

В отличие от Эдгара По, Джек Лондон (1876–1916) прожил на гонорары почти всю жизнь. Над певцом суровых стихий и простых истин сошлись все звезды: читатели успели полюбить короткий жанр, был принят закон об авторском праве, в конце жизни у Лондона не было конкурентов в Америке, все журналы хотели только его рассказов, до Великой депрессии было еще далеко.

В результате, если бы не многочисленные женщины, неудачная и бессмысленно дорогая яхта, сгоревший дизайнерский дом и другие безумные проекты, к концу жизни Джек Лондон был бы миллионером. В 1910-х годах журналы предлагали ему по \$300 за один Аляска-рассказ.

В юности Лондон собирался неплохо жить, получив место почтового служащего с окладом \$65 в месяц. За один 1913 год он получил \$75 тыс. гонораров. И потратил \$100 тыс. без особых инвестиционных идей.

крыть дыру и в конце концов сверстаться. В первую субботу 1846 года читатели получили последний номер The Broadway Journal. Историю с запоем По Инглиш опубликовал в своих мемуарах только 50 лет спустя. Томас Лэйн о ней вообще умолчал. 3 января 1846 года The Broadway Journal вышел с таким прощальным словом главного редактора: «Неожиданные обстоятельства потребовали, чтобы я сосредоточил на них все мое внимание. Задачи, ради которых задумывался Broadway Journal, я лично почитаю выполненными, что позволяет мне как редактору равно сердечно попрощаться с его врагами и друзьями». Формулировка «предполагаю сосредоточиться на развитии собственных проектов» была изобретена позже, да и не подходила к случаю: это ведь и был собственный проект Эдгара По, его первая и последняя попытка поработать на себя. Как говорится, Nevermore. ●

мер, письмо одного подписчика на год, который прислал вместо трех положенных долларов один, обещав радовать издателя присылкой долларов еще дважды в течение года, «чтобы продлить его удовольствие». И с подобными шутниками приходилось вести переписку.

А еще были агенты по распространению журнала, которые работали на проценте, и это была целая отдельная бухгалтерия. Джон Биско, выходя из проекта, забрал с собой двух лучших агентов, и это была гораздо более серьезная потеря, чем вначале показалось По. Из письма выездного представителя The Broadway Journal Уильяма Фэйрмена мы примерно знаем, как обстояли дела с распространением. «В Балтиморе кажется, что Broadway Journal больше не выходит,— писал Фэйрмен,— свежего номера нигде нет уже несколько месяцев. Местный агент говорит, что несколько раз просил прислать номера. Я думаю, вести подписную кампанию поздно: у людей либо нет денег, либо они не хотят ими рисковать, платя вперед. Вообще же я уверен, что когда на каждом бойком месте будет сидеть агент и еженедельно рекламировать журнал и когда его будет выписывать каждая серьезная редакция в Штатах и публиковать на него рецензии — вот тогда тиражи начнут расти».

1 января наступал крайний срок платежа \$140 по журнальным делам, а наличных в редакции не было. И это при том, что каждую неделю По как редактор должен был выпустить 16-полосный журнал, наполнив его по большей части собственными сочинениями.

По продержался месяц. Во второй половине ноября он обратился за кадровой помощью к своему хорошему знакомому Томасу Данну Инглишу, и тот подыскал ему нового партнера. Согласно

договору, подписанному 3 декабря, Томас Лэйн (уже издававший журнал Aristidean) брал на себя весь финансовый менеджмент и даже выплату текущих долгов The Broadway Journal, образовавшихся после 17 ноября, если таковые долги не будут превышать \$40. По оставался единоличным хозяином редакционной части. Зарплаты Лэйн не получал никакой, но ему отходила 50-процентная доля в журнале. По вспоминает Инглиша, и он, и Томас Лэйн считали, что при литературном таланте По, высоком качестве его журналистики, многочисленных поклонниках и знакомых у журнала есть перспективы, надо только, чтобы По не занимался больше не своим делом. Но, как вскоре выяснилось, у По и со своим делом могли быть серьезные проблемы.

Дыра на полторы полосы

Обеспечив печать и какое-то распространение номеров от 6, 13 и 20 декабря, новый издатель The Broadway Journal обнаружил, что его редактор запил. Томас Лэйн, которому вообще-то нужно было думать о контрактах с агентами по распространению, в понедельник обнаружил себя один на один с несданным номером, который в субботу уже должен был поступить в продажу. Лэйн бросился приводить главре-

Эдгар По первым из американских писателей попробовал сделать письменный стол единственным источником дохода

да в чувство — ничего не получилось. В номере, который должен был стать итоговым для первого года издания журнала, обеспечив читателей занимательными историями на время между Рождеством и Новым годом, зияла дыра на полторы полосы: заметок не хватало. Макет The Broadway Journal был аскетичным: две колонки практически сплошного текста с маленькими заголовками, так что в полосу входило 6820 печатных знаков, то есть, для понимания, Лэйну не хватало примерно истории об инвестициях Рембрандта (см. прошлый номер «Денег»). И поставить на это место большую фотографию Лэйн не мог по причине отсутствия фотопечати как таковой.

Издатель повел себя решительно. Прежде всего он уволил По «по собственному желанию», добившись от него официального заявления о выходе из проекта. Лэйн и сам не собирался продолжать издание, но проститься с читателями предпочитал достойно. Поэтому он перенес набор номера на неделю, в течение которой Томас Инглиш по дружбе написал в него пару коротких заметок, что позволило за-

По быстро понял, каково это — быть толстосумом, наживающимся на нещадной эксплуатации пишущего пролетариата